

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДИСКУССИЯ О ПРОБЛЕМАХ СУБСТРАТА

17—19 февраля 1955 г. на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР в Ленинграде состоялась дискуссия, посвященная теории субстрата. На заседании, кроме языковедов Москвы и Ленинграда, присутствовали представители лингвистической общности других городов, а также представители смежных с языкознанием дисциплин — историки, этнографы, антропологи; всего — более 500 человек.

Во вступительном слове директор Института доктор филол. наук В. И. Боровский отметил важность и актуальность проблемы субстрата и указал, что лингвистический субстрат можно определить как элемент побежденного языка в языке-победителе.

Доктор филол. наук В. Н. Ирцева в докладе «Теория субстрата в истории языкознания» дала анализ значительного количества работ представителей языкознания XIX и первой половины XX в., в которых ставились и продолжают ставиться проблемы, связанные как с субстратом, так и с различным характером взаимодействия языков. Как показал анализ работ, для выяснения сущности субстрата принципиально важно приобщение проблемы двуязычия. Значительный интерес представляют работы современных зарубежных языковедов, в которых делается попытка определения воздействия субстрата на различные стороны языка-победителя. В этом плане заслуживает внимания положение некоторых современных языковедов (Форт, Вайнрайх) о необходимости различать элементы заимствования, влияющие на языковую систему языка-победителя, и элементы заимствования, не воздействующие на языковую систему.

В. Н. Ирцева особо подчеркнула то положительное и ценное, что было внесено в разработку проблемы субстрата представителями русского языкознания: И. А. Бодуэном де Куртене, А. А. Шахматовым, А. М. Селищевым. Она отметила, что у представителей структурализма проблема субстрата не получает удовлетворительного решения, ибо игнорирование конкретно-исторического языкового материала, столь важного именно для выяснения сущности субстрата, и выдвигание на первый план пахронических законов делает невозможным изучение реальных фактов взаимодействия языков.

С докладом «Проблема субстрата» выступил член-корр. АН СССР Б. А. Серебrenников. В развитии структуры различных языков, сказал докладчик, возможны так называемые конвергенции, или одинаковые явления, возникшие совершенно самостоятельно. В финском и якутском языках, отстоящих на многие тысячи километров один от другого и никогда не соприкасавшихся, возник так называемый частный падеж, или паритив; вспомогательный глагол «быть» одинаково участвует в образовании аналитических прошедших времен как в татарском, так и в литовском языках; подобие изафетной конструкции иранского типа существует в албанском языке, хотя эти языки развивались самостоятельно; так называемая эргативная конструкция встречается в палеоазиатских языках и языках Кавказа.

Б. А. Серебrenников заметил три узловых вопроса, которые могут быть предметом дискуссии о проблеме субстрата: 1) в каком случае можно говорить о возможности влияния языка-субстрата и вообще возможно ли такое влияние; 2) чем отличается влияние языка-субстрата как особого типа влияния одного языка на другой от других многочисленных типов взаимодействия языков; 3) что дает изучение воздействия субстрата для сравнительно-исторических исследований.

Под субстратом обычно понимают язык, побежденный другим языком в результате их взаимодействия и борьбы, осуществлявшихся в пределах единой территории (ср., например, вытеснение кельтских языков латвийским языком на территории Фляндии). Под термин «субстрат», как отметил докладчик, обычно подводится геометрическое представление наложения одной плоскости на другую, насаживание одного языка на другой. В реальной действительности такого наложения никогда не происходит, а имеет место лишь контактирование и взаимодействие языков, которое может иметь различные формы.

Докладчик усматривает два типа контактирования языков: так называемое маргинальное и внутривнутрирегиональное. Маргинальное контактирование имеет место при наличии двух языков, смежных по территории распространения. Никакого проникновения больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка, не происходит. Поэтому общности топонимии на этих двух территориях не наблюдается. Внутривнутрирегиональное контактирование характеризуется проникновением больших масс носителей одного языка в область распространения другого языка, которое обычно заканчивается победой одного языка и образованием нового этнического целого.

Примером маргинального контактирования могут служить удмуртский и татарский языки, расположенные на смежных территориях, но принадлежащие к разным языковым семьям. Выбор для анализа территориально смежных языков, представляющих разные языковые семьи, дает возможность легче отделить приобретенные черты от исконных. Наиболее удобными в этом отношении являются удмуртский и татарский языки. Исследование этих языков позволяет установить заметные следы влияния татарского языка на удмуртский, которые сводятся к следующему: а) появление сходных звуков; б) заимствование словообразовательных суффиксов; в) возникновение сходных процессов изменения языковой структуры; г) образование синтаксических калек; д) способствование консервации одностичных черт; е) заимствование слов; ж) образование семантических инклинаций, под которыми докладчик понимает приобретение словом или формой одного языка дополнительных значений, присущих соответствующему слову или форме другого языка. Никаких следов тюркской топонимии на территории Удмуртской АССР нет.

Примером внутривнутрирегионального контактирования могут служить марийский и чувашский языки. Дочувашская топонимика на территории Чувашской АССР в значительной мере оказывается общей с топонимикой Марийской АССР. Этот факт явно свидетельствует о том, что в древности чувашский язык наслаивался на марийский языковой субстрат. Но этот язык, служивший субстратом, не исчез полностью, как, например, эгейские языки на территории Греции, а сохранился благодаря миграции части марийского населения на север. Исследование особенностей, приобретенных чувашским языком от марийского, и особенностей марийского языка, приобретенных от чувашского, дает примерно те же результаты, которые обычно наблюдаются в случаях маргинального контактирования языков. Следовательно, результаты влияния субстрата абсолютно ничем не отличаются от результатов других типов влияния языков и в этом влиянии нет ничего загадочного.

Все эти данные полностью подтверждаются показаниями других наук. Этнографы отмечают поразительное сходство культуры, быта, верований и обычаев чувашского и марийского народов, антропологи заявляют о поразительном сходстве их антропологического типа, археологи находят общие черты в их древней материальной культуре. Обобщая сказанное, Б. А. Серебрянников говорит, что всякий вывод о возможности влияния субстрата получает более или менее прочное обоснование только в том случае, когда он опирается на целый комплекс данных, к которым относятся: а) появление в языке ряда фонетических, морфологических и синтаксических черт, не свойственных родственным языкам, но имеющихся в смежном по территории языке или языках; б) появление новых слов, относящихся к основному словарному фонду, не свойственных родственным языкам, но встречающихся в смежном по территории языке или языках; в) обязательное наличие значительного количества общих топонимических названий или топонимии одного типа на территории смежных языков, имеющих общие черты.

Судьба языков-субстратов бывает разной. Наблюдаются случаи, когда язык-субстрат исчезает полностью и восстановить его невозможно. Но нередки и такие случаи, когда язык-субстрат исчезает лишь частично, другая часть его в каком-то виде продолжает существовать. Такого рода явление докладчик называет сегментарным исчезновением субстрата.

Докладчик считает, что изучение влияний субстрата требует создания новых отраслей лингвистической науки: сравнительной семасиологии, сравнительной экспериментальной фонетики и особой дисциплины, занимающейся изучением результатов различных типов взаимодействия языков.

Изучение влияний субстрата, по мнению Б. А. Серебрянникова, позволяет устранить ограниченность сравнительно-исторического метода, который не в состоянии выявить, что приобрели элементы структуры данного языка в результате влияния других языков. Для этого необходимо, не меняя сущности традиционного сравнительно-исторического метода, взять иной объект сравнения — звуки, слова и формы языков, не родственных по своему происхождению, но находившихся в процессе контактирования. Подобное сравнение может иметь место и в случае влияния одного родственного языка на другой.

Проблеме языкового субстрата посвятил свой доклад ст. науч. сотр. Института языкознания В. И. Аббаев. Основным положением его доклада явился тезис о том, что субстрат не есть лингвистическое понятие. Явление субстрата предполагает этно-

генетический процесс, сопровождающийся языковыми последствиями. В чисто лингвистическом аспекте понятие субстрата имеет право на существование постольку, поскольку оно может быть противопоставлено двум другим видам межязыковых связей: родству и заимствованию.

Явление субстрата возникает в тех случаях, когда имеет место массовое усвоение коренным населением чужой речи в результате завоевания, этнического поглощения, политического господства, культурного преобладания и пр. При этом местная языковая традиция обрывается, и народ переключается на традицию другого языка.

Подобные факты не раз происходили в исторические и доисторические времена. В результате римского завоевания перешло на латинский язык коренное кельтское (галльское) население Франции и коренное иберийское население Испании. На этой почве образовались современные французский и испанский языки, которые продолжают традицию не местных кельтских и иберийских наречий, а традицию латинского. Латинский язык в Италии распространился в результате поглощения местных (италийских, этрусских и др.) наречий, которые полностью исчезли.

Переход с одного языка на другой есть сложный и длительный процесс. Отдельные черты родного языка прочно удерживаются в фонетике, лексике, семантике и продолжают «прорастивать» сквозь оболочку нового языка. В результате восприимчивый чужой язык приобретает в данной среде свои особые черты, отсутствующие у этого языка в исходной среде. Это своеобразно и объясняется наличием здесь иноязычной почвы, или, пользуясь латинским термином, субстрата. Субстрат — это подпочвенный слой языка.

Субстрат — это не только результат взаимодействия языков в прошлом. По мнению докладчика, на наших глазах постоянно происходит такое же взаимодействие между языками. Все народы Советского Союза пользуются русским языком. Но в каждой национальной среде русский язык имеет свой особый оттенок, который обычно называют «акцентом». Украинцы говорят по-русски с украинским «акцентом», казахи — с казахским, азербайджанцы — с азербайджанским и т. д. Под «акцентом» разумеется обычно произношение. Но более глубокие наблюдения покажут, что, помимо особенностей произношения, русский язык в каждой местности приобретает некоторые своеобразные черты также в лексике, семантике, синтаксисе.

Выдающийся интерес проблемы субстрата заключается в том, что это — одна из тех проблем, где наиболее очевидным и осязаемым образом история языка переплетается с историей народа. Языковой субстрат предполагает субстрат этнический.

И. И. Абасов считает, что субстрат занимает промежуточное положение между родством и заимствованием. И субстрат, и заимствование представляют собой проникновение и адаптацию элементов одной системы в другую, но при субстрате это проникновение несравненно глубже, значительнее. Оно может пронизать все структурные стороны языка, тогда как заимствование, как правило, распространяется только на некоторые ряды лексики. Субстратные связи сближаются со связями, основанными на родстве. И субстрат, и родство предполагают этногенетические связи. В отличие от них заимствование ни в какой мере не связано с этногенезом.

Субстрит предполагает, как переходный этап, более или менее продолжительный период двуязычия, а длительное двуязычие создает предпосылки для весьма далеко идущего смешения и взаимопроникновения двух языковых систем. При заимствовании никакого двуязычия не требуется.

В. И. Абасов проследивает следы влияния субстратных явлений в фонетике, лексике, морфологии ряда конкретных индоевропейских и иберийско-кавказских языков. В фонетике на языковой субстрат, по мнению докладчика, указывают сплошные позиционные звуковые передвижения, захватывающие целые фонетические ряды. Широкое проникновение в язык звуков, чуждых исходной звуковой системе, возможно только под воздействием субстрата (церебральные согласные в индийских и в афганских языках, смычногортанные согласные в армянском и осетинском языках).

В отличие от заимствований, субстратная лексика находит прямой доступ в основной словарный фонд. Семантические и идиоматические особенности языка имеют первостепенное значение для определения его субстрата, но выявление их сопряжено с большими трудностями.

Морфология мало проницаема для субстрата, но последний может наложить отпечаток на модель морфологической системы (осетинское и армянское склонение, вопрос о винительном падеже в осетинском и армянском языках).

После доклада В. И. Абасова выступила доктор филол. наук А. В. Десницкая. Она подчеркнула, что обычное во многих работах преувеличенное оперирование теорией субстрата не вызывает серьезной критики и что внимание советских языковедов должно быть преимущественно направлено на выяснение внутренних факторов языкового развития. Анализ фактов, относящихся к истории балканских языков, обнаруживает не обычно принимаемое воздействие субстрата, а реализацию внутренних тенденций развития данных языков. Недостаточно углубленное исследование бал

канских языков и недостаточное внимание ко всем относящимся сюда явлениям привело, как правило, исследователей к преувеличению роли субстрата.

Проблеме возникновения иноязычных элементов в структуре языка посвятила свое выступление ст. науч. сотр. Института языкознания В. Г. Орлова. В качестве основного положения она выдвинула тезис о том, что проникновение иноязычных элементов в систему данного языка происходит вместе с лексикой и на ее основе. Поэтому проблема субстрата представляет собой явление той же плоскости, что и проблема заимствованных слов. Анализ фактического материала, особенно из области истории фонетической системы русского языка, в частности такого явления, как цоканье, для которого в истории языкознания обычно выдвигались объяснения на основе теории субстрата (например, теория А. А. Шахматова о славяно-финских отношениях), на самом деле обнаруживает не воздействие субстрата, а внутренние тенденции развития русского языка.

Доктор филол. наук Е. И. Убрятова продемонстрировала на материале якутского и эвенкийского языков процессы взаимодействия языков и сложный процесс смены одного языка другим.

После указанных трех докладов и выступлений А. В. Десницкой, В. Г. Орловой и Е. И. Убрятовой начались прения.

Выступление канд. филол. наук Т. А. Дегтеревой было посвящено вопросу о важности изучения заимствований для проблемы субстрата. Свой тезис она подкрепила анализом обозначений металлов в различных индоевропейских языках. По мнению Т. А. Дегтеревой, анализ материала с необходимостью приводит к понятию так называемых языковых союзов для объяснения весьма сложных лексических взаимодействий как внутри индоевропейских языков, так и между индоевропейскими и неиндоевропейскими языками.

Член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский в своем выступлении, не отрицая фактов субстратного влияния в истории языков, указал, что более актуальными для языкознания являются вопросы, связанные с внутренними закономерностями развития языка. Возражая Б. А. Серебрянникову и В. И. Абаеву, докладчик сослался на работы австрийского лингвиста П. Лессиака, занимавшегося вопросами взаимодействия баварско-австрийских диалектов с южно- и западнотюркскими языками. П. Лессиак утверждает, что на его родине в Каринтии, где немцы и словенцы более тысячелетия жили по соседству и вперемежку друг с другом, наличествуют многочисленные словарные заимствования, калькирование синтаксических оборотов, может быть, некоторое влияние интонации, но на различие немецкой и словенской фонетики, артикуляции звуков это многовековое соседство не оказало никакого влияния. Аналогичное явление наблюдалось в Чехии, в районах, германизованных немецкими колонистами, или в подвергшихся славянизации тирольских говорах.

Коснувшись вопроса о передвижении согласных в германских языках, В. М. Жирмунский указал, что это явление до последнего времени объяснялось влиянием разных субстратов — кельтского, финского, народа «альпийской расы», средиземноморских «фетидов», в то время как в передвижении согласных в германских языках мы имеем чисто внутреннее явление, связанное с особым характером германского ударения.

Положительно отзывавшись о проблеме суперстрата и «маргинального взаимодействия», или, как называют его за рубежом, языкового союза, В. М. Жирмунский возражал против отождествления этнического смешения племен при образовании народностей и языкового субстратного развития.

Проф. А. И. Попов в своем выступлении возражал против терминов «маргинальное» и «внутрирегиональное» контактирование. Он считает также неудачным выражение «теория субстрата». По его мнению, никакой «теории субстрата» вообще построено быть не может, как нет и никакой общей «теории этногенеза». А. И. Попов считает излишним также создание новых отраслей лингвистической науки: сравнительной семасиологии, сравнительной экспериментальной фонетики. В заключение А. И. Попов выразил сожаление о том, что вплоть до настоящего времени топонимика остается самой заброшенной отраслью советского языкознания.

Основным положением выступления проф. А. П. Дудьзона явилось утверждение, что лингвистика на современном этапе развития не располагает достаточным материалом, подтверждающим наличие субстрата. Чтобы доказать наличие субстрата, необходимо, кроме лингвистических данных, широко привлекать данные археологии, этнографии и антропологии.

Проф. А. К. Боровков в принципе не возражал против терминов «маргинальное» и «внутрирегиональное» контактирование, но указал, что практические формы взаимоотношений языков так многообразны и так различны для разных эпох, что нельзя ограничиться этими двумя терминами. Свои доводы о многообразии взаимоотношений языков А. К. Боровков иллюстрирует конкретными примерами из истории языков народов Средней Азии, Поволжья и Кавказа. С другой стороны, он отметил, что при всех исследованиях влияний субстрата нужно прежде всего учитывать внутренние законы развития языков. Так, например, по мнению А. К. Боровкова, переход

тюркского а в чувашском языке в у является результатом внутреннего развития чувашского и тюркских языков вообще, такой переход возможен и в якутском.

Ст. науч. сотр. Ю. Д. Дешериев наметил три основные формы языкового субстрата. Классическая форма языкового субстрата предполагает полную победу одного языка и отмирание другого. Процессы, которые создают субстрат этого типа, происходят и сейчас на Кавказе. Примером, по мнению Ю. Д. Дешериева, могут служить процессы взаимодействия грузинского и абхазского языков, хингалусского крызского и азербайджанского. Второй формой языкового субстрата он считает такой случай, когда смена языка происходит не у всего народа, а у определенной его части, в отдельном диалекте или даже говоре. К третьей форме Ю. Д. Дешериев относит случаи, обусловленные передвижением народов, проникновением одного народа на территорию другого народа, следы чего мы находим в топонимике.

Доктор филол. наук Р. И. Аванесов предметом своего выступления избрал определение сущности субстрата, его отношения к родству языков, его места среди других форм языкового взаимодействия и его отношения к сравнительно-историческому методу. Он связывает проблему субстрата как с лингвистической проблемой взаимодействия языков, так и с этногенетической проблемой.

Рассматривая вопрос об отношении субстрата к понятию языкового родства, Р. И. Аванесов говорит, что субстрат по отношению к языку-победителю может быть или неродственным, или находящимся в отношениях отдаленного родства. «Структура субстрата и язык-победитель должны иметь внутренние законы развития или принципиально различные или, во всяком случае, достаточно сильно отличающиеся». Так как внутренние законы развития родственных языков в своей значительной части тождественны, то нет оснований в этом случае говорить о субстрате. Языковое смешение, по мнению Р. И. Аванесова, является хотя и важным, но не основным процессом в образовании языков, и то время как взаимодействие, «определенная интеграция близкородственных диалектов является одна из основных процессов образования языков». В вопросе об отношении субстрата к сравнительно-историческому методу Р. И. Аванесов разделяет точку зрения В. И. Абова, согласно которой субстрат полностью подчинен законам сравнительно-исторического исследования.

В заключение Р. И. Аванесов остановился на некоторых частных случаях из истории русской диалектологии, когда одно и то же явление в языке может развиваться и под воздействием субстрата, и самостоятельно, в результате внутренних законов развития языка. Так, например, удвоение согласных (*покрещения, волосы*) наблюдается на северо-востоке, в Вологодской и Кировской областях, а также на западе и юго-западе, в Белоруссии и на Украине. На северо-востоке это явление находят отголоски в языках финно-угорской группы, а на западе оно появилось самостоятельно, в результате внутреннего развития.

Выступление канд. филол. наук Т. С. Шарадзендзе было посвящено вопросу о проницаемости языковой структуры при субстратных явлениях.

Основным положением выступления ст. науч. сотр. А. А. Реформатского была мысль о том, что «сам субстрат не есть уже взаимодействие языков; сам субстрат есть результат одного из видов взаимодействия». А. А. Реформатский считает, что наряду с этногенетической проблемой субстрата на равных правах с нею существует и лингвистическая проблема субстрата. Проблема субстрата, говорит А. А. Реформатский, предполагает тесное и длительное сожительство двух разноязычных народов в пределах одной территории. При иных условиях ни о каком субстрате речи быть не может. Могут быть разные другие виды взаимодействия языков, но это уже не будет субстрат. Субстрат возможен только во внутрирегиональном плане, когда два народа сталкиваются на одной и той же территории и возникает борьба. В этой борьбе победителем выходит один язык, другой ему подчиняется.

Возражая В. И. Абаеву против того, что для говорящих по-русски представителей какого-либо народа, например Средней Азии или Кавказа, родная речь — это уже субстрат, А. А. Реформатский подчеркивает, что «субстрат — это явление языка как исторической категории, а не проблема индивидуальной речи того или другого говорящего». Коснувшись вопроса о двуязычии, А. А. Реформатский заявил, что, возникая обычно в результате маргинального контактирования, оно не всегда ведет к появлению субстрата.

Доктор филол. наук П. С. Кузнецов, возражая В. М. Жирмунскому, указал на то, что в фонетике, как и в других аспектах языка, могут быть субстратные явления. По мнению П. С. Кузнецова, не следует утверждать, что субстрат должен быть исключен из вопросов лексики. Докладчик не согласился с мнением А. А. Реформатского, что субстратом надо считать лишь то, что меняет строй языка. Если в состав одного языка входят лексические заимствования из языка, который исчез, это и будет субстрат. В этом плане топонимика также принадлежит субстрату.

В защиту субстрата выступил акад. И. А. Орбели, который подчеркнул, что история армянского языка немыслима без привлечения субстрата, ибо хорошо известно, что основные пласты лексики армянского языка, особенно скотоводческая и земледельческая лексика, не армянского происхождения. В этом плане заслуживает

внимания изучение взаимоотношений армянских и курдских диалектов. И. А. Орбели подчеркнул также ценность ранних работ акад. Н. Я. Марра для изучения армянского языка.

Проф. Б. Б. П и о т р о в с к и й, занимающийся изучением истории культуры Урарту, обратил внимание присутствующих на важность изучения урартских отношений. Урарты были ассимилированы армянами, потеряли свой язык и приняли армянский. Урартские слов в армянском языке сохранилось немного, однако очень устойчивой оказалась фонетика. В диалекте армянского языка Ванского района сохранилась старая урартская фонетика, и теперь всегда можно отличить армянина из Вана по наличию тех фонетических особенностей, которые были свойственны урартскому языку.

Выступление доктора филол. наук Д. А. О л ь д е р о г г е было посвящено выяснению сложных языковых отношений, сложившихся в Африке. На примере ряда африканских языков Д. А. Олдерогге продемонстрировал важность и необходимость привлечения субстрата для объяснения особенностей языков.

Ст. науч. сотр. В. Н. С и д о р о в отметил, что сравнительный метод и проблему субстрата не следует смешивать друг с другом. Изменения в языке могут происходить в результате действия законов внутреннего развития, заимствований, субстрата. Для языковедов вопрос о субстрате — это прежде всего вопрос о причинах изменений в языке. Сравнительный же метод никогда не ставит этого вопроса.

Проблема субстрата, говорит В. Н. Сидоров, тесно связана с историей народа. Это даже не языковая проблема, но это такая проблема, без которой не может обойтись лингвист, если он захочет изучить подлинную историю языка. Цоканье и другие явления в области фонетики В. Н. Сидоров считает возможным объяснить только при помощи субстрата.

Проблема субстрата, сказал доктор филол. наук С. Б. Б е р ш т е й н, проливает свет на различные факты языкового развития, однако к теории субстрата исследователь может прибегать лишь после того, когда обычные приемы сравнительно-исторического языковедения не дают убедительного ответа. С. Б. Берштейн выразил свое удовлетворение тем, что проблема субстрата нашла горячий отклик у участников дискуссии. Эта проблема может объяснить такие явления, которые не объясняются ни заимствованием, ни внутренними законами развития языка. Так же недавнего времени некоторые ученые пытались объяснить утрату склонения в болгарском языке фонетическими процессами среднеболгарской эпохи. По глубокому убеждению С. Б. Берштейна, падение болгарского склонения является следствием глубоких этнических и языковых скрещиваний, которые происходили в восточной половине Балканского полуострова с VI в. н. э.

Доктор филол. наук Р. А. Б у д а г о в в своем выступлении остановился на необходимости разграничения субстрата и других типов взаимодействия языков. Между разными типами влияний всегда имеются различия. В частности, проблема языковых союзов, по мнению Р. А. Будагова, существенно отличается от проблемы субстрата. С другой стороны, не следует проблему субстрата противопоставлять проблеме сравнительно-исторического метода. Р. А. Будагов указал на имевшее место в прошлом противопоставление лингвистической географии сравнительно-историческому методу. На самом деле, как это выяснилось позже, лингвистическая география не отвергает сравнительно-исторического метода, а углубляет, усложняет его. То же следует сказать и о субстратных явлениях.

Член-корр. АН СССР Г. С. А х в л е д и а н и, остановившись на некоторых общих вопросах разработки сравнительно-исторического метода в связи с проблемой субстрата и полагая неправомерным противопоставление субстратных явлений сравнительно-историческому языковедению, пришел к следующему определению понятия субстрата: «Субстрат — это крайняя форма влияния одного языка на другой, главным образом при смене языков».

Выступление канд. филол. наук Э. А. М а к а е в а было посвящено вопросу о переборах согласных в германских языках. По его мнению, анализ фактического материала и теоретические соображения неизбежно приводят к выводу о том, что объяснение перебора согласных в германских языках лишь на основании внутренних факторов и полное снятие субстратных воздействий не является правомочным.

Проф. М. М. Г у х м а н остановилась на двух вопросах: о месте субстрата и суперстрата среди различных форм взаимодействия языков и о методе. Она считает, что субстрат и взаимодействие языков — явления качественно различные. М. М. Гухман подчеркнула, что «выделение объектов субстратного исследования только в том случае будет объективно-научным, если это выделение осуществляется при помощи сравнительно-исторического метода. Если же оно осуществляется вне сравнительно-исторического метода, не на его основе, то мы будем иметь другой, новый вариант гадания на кофейной гуще».

Доктор филол. наук Т. П. Л о м т е в указал на то, что проблема субстрата является частью общей теории развития языка, устанавливающей роль внешних факторов развития языковой системы, в том числе и роль иноязычной среды. По мнению Т. П. Ломтева, «действие этнического субстрата осуществляется не столько путем при-

внесения элементов своей системы в систему победившего языка, сколько путем воздействия и катализации его закономерного развития». Т. П. Ломтев считает, что сравнительно-исторический метод был и является единственным методом исторического исследования закономерного хода развития языка. Поэтому исследование влияния внешних факторов на развитие языка должно основываться на принципах сравнительно-исторического метода.

Подводя итоги дискуссии, ученый секретарь Института языкознания Б. В. Горнунг отметил, что необходимо перейти от общих теоретических рассуждений к конкретным историческим исследованиям.

Надо констатировать, говорит Б. В. Горнунг, что значительная часть выступавших на дискуссии в той или иной форме поддержала тезис В. И. Абаева: о воздействии языкового субстрата можно говорить лишь при наличии процесса этнического смешения или смены населения. Однако на данной дискуссии субстрат понимался нами лингвистически. В последующем появится необходимость в совместной работе с археологами, этнографами и антропологами.

Приходится отметить, говорит Б. В. Горнунг, что на дискуссии не получил достаточного освещения важный вопрос о соотношении системы языка, развивающегося по своим внутренним законам, и элементов, внесенных субстратом. Б. В. Горнунг считает, что не следует, анализируя взаимодействие диалектов, их наследию и смешения, принимать такие термины, как субстрат и суперстрат. Одновременно он указал, что большинством выступавших мнение о большой и исключительной роли лексического заимствования в процессе воздействия субстрата на другие стороны языка не было поддержано.

«Надо, может быть, — заключает Б. В. Горнунг, — выработать некоторые очень тонкие методы исследований, которыми мы еще не владем, выработать их в контакте с представителями смежных дисциплин. Но все это отнюдь не означает, что можно говорить о какой-то новой отрасли языкознания, которую мы можем противопоставлять как бы изжилому себе сравнительно-историческому языкознанию. Правильно лишь то, что сфера приемов, обычно объединяемых названием «сравнительно-исторический метод», должна быть расширена. И, конечно, нельзя отрицать, — Б. А. Серебренников в этом отношении прав, — и большой роли общей сравнительной семасиологии, когда мы имеем дело с взаимодействием неродственных языков. Эта общая сравнительная семасиология не имеет ничего общего с единством глоттогонического процесса, с которым ее сравнивал А. И. Попов». Б. В. Горнунг выразил также пожелание, чтобы дискуссии дали толчок к развитию топонимических исследований.

Э. А. Макаев

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

13—16 июня состоялось открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР. На этом заседании были подведены итоги и намечены перспективы дальнейшей работы советских языковедов, обсуждались вопросы истории литературных языков и их соотношения с территориальными диалектами и общенародным языком, вопросы нормализации литературных языков¹.

Заседание открыл директор Института языкознания доктор филол. наук проф. В. И. Бороковск и й. В своем докладе «Состояние и перспективы изучения русского языка» он охарактеризовал положение в разных областях науки о русском языке — в грамматике современного русского языка, фонетике, в области нормализации русского литературного языка, культуры речи, истории русского литературного языка, в исторической грамматике и диалектологии, дал оценку основным трудам по русскому языку, появившимся за последние годы, наметил основные перспективы работы.

Говоря о достижениях советской науки о русском языке, докладчик отметил и оставание в некоторых областях русистики. Так, например, описательное изучение языков преобладает у нас над историческим, почти не ведется работа по палеографическому точному описанию и изданию памятников древнерусского языка, историки русского языка в своей работе мало прибегают к изучению неопубликованных памятников, почти нет работ по экспериментальной фонетике, совсем нет работ по синтаксису разговорной речи. В. И. Бороковский особо подчеркнул важность теоретической разработки основных вопросов русского языка, указав, что этому будет способствовать

¹ См. «Открытое расширенное заседание Ученого совета 13—16 июня 1955 г. Тезисы докладов и выступлений» М., 1955.